

УДК: 801.73

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-8

Вань Хайсун

Роман «Бедные люди» Ф.М. Достоевского
как литературное событие

Китайская академия общественных наук,
пр-т Дзяньгоуменнэй, д. 5, г. Пекин, 100732, КНР; wanhaisong@sina.com

Аннотация. В понятии литературного факта подчеркиваются объективные свойства, тогда как под литературным событием чаще подразумевается процесс возникновения. В дебютном романе Достоевского «Бедные люди» сочинение и литературные произведения являются не только объектом чтения и критики для главных героев, но и неотъемлемой частью их реальной жизни. Таким образом, можно сказать, что литература и чтение являются как важными жизненными событиями для персонажей романа, так и основополагающим литературным фактом, формирующим контекст создания романа. Творческий процесс и рецепция эпистолярного романа «Бедные люди» как внутри текста, так и за его пределами, взаимоотношения Достоевского с автором фразы, послужившей эпиграфом к роману, – Одоевским, особенно проявившийся в романе стиль немецкого писателя Гофмана, наряду с отраженными в романе представлениями о литературе и связанными с ними концепциями, а также размышлениями автора о функциях литературы и перспективах профессиональной деятельности – все это вместе образует богатое литературное событие, заключенное в «Бедных людях».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; «Бедные люди»; представление о литературе; литературное событие; гофмановский стиль

Для цитирования: Хайсун, Вань. (2025), «Роман “Бедные люди” Ф.М. Достоевского как литературное событие», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 99-109. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-8

Wan Haisong

Dostoevsky's Novel *Poor Folk* as a Literary Event

Chinese Academy of Social Sciences,
5 Jianguomennei Ave., Beijing, 100732, PRC; wanhaisong@sina.com

Abstract. A literary fact emphasizes objective attributes, while a literary event often describes a process of occurrence. In Dostoevsky's debut novel *Poor Folk*, literary creation and works are not only objects read and critiqued by the main characters but also an indispensable part of their real lives. Thus, it can be said that literature and reading are both significant life events for the novel's protagonists and fundamental literary facts constituting the novel's creative context. The creation and reception of the epistolary novel *Poor Folk*, both within and outside the text, Dostoevsky's relationship with the author of the novel's epigraph, Odoevsky, especially the style of

the German writer Hoffmann manifested in the novel, along with the view of literature and related perceptions reflected in the novel, as well as the author's reflections on the function of literature and the prospects of the profession – all these together constitute the rich literary event inherent in *Poor Folk*.

Keywords: Dostoevsky; *Poor Folk*; view of literature; literary event; Hoffmann style

For citation: Haisong, Wan (2025), “Dostoevsky’s Novel ‘Poor Folk’ as the Literary Event”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 99-109, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-8

Введение

Являясь литературной отправной точкой писательского пути Достоевского, его эпистолярный роман «Бедные люди» аккумулирует богатую литературную традицию, воплощает сложные и глубокие ранние представления о литературе и критическое сознание автора, многогранно отражая его первоначальную позицию и интеллектуальные траектории в осмыслении отношения «литература и жизнь» на начальном этапе творчества. Представленная в этом произведении концепция литературы, с одной стороны, проявляется как фрагментарное восприятие персонажами конкретных явлений литературного целого, еще не систематизированное индивидуальное познание и уникальное прозрение; с другой стороны, она также отражает систематические размышления самого Достоевского о социальной функции литературы, ее культурной миссии и будущем развитии профессиональной сферы, в полной мере выражая его жизненный идеал, в котором литература видится как духовное призвание, а также его экзистенциальную позицию, направленную на самоутверждение и вмешательство в реальность через литературную практику.

Заложенное в «Бедных людях» представление о литературе не только раскрывает понимание и отношение главных героев к литературе, но и отражает критическое осмысление автором поля русской литературы XIX века и ее течений, одновременно выступая косвенной репрезентацией его собственного литературного восприятия и творческих истоков. Путем тщательного анализа повествовательных деталей и исторического контекста как внутри, так и за пределами текста романа, углубленного изучения раннего описания Достоевским проблемы «литература и жизнь», мы можем более точно понять внутреннюю логику и формы проявления его литературной мысли на начальной стадии ее формирования, выявить зачатки его зрелых литературных воззрений и на этой основе достичь целостного понимания общей эволюционной траектории его взглядов на литературу, а также фундаментальных различий в интеллектуальных путях, проявившихся между ним и его литературными спутниками.

I. Литературное событие:

от литературного факта к представлению о литературе

Литературный факт (fact of literature) относится к литературному явлению, рассматриваемому как данность, обладающая объективными свойствами. Он затрагивает онтологический вопрос «что есть литература?». Российский теоретик-формалист Юрий Тынянов, исследуя с точки зрения жанра считавшийся литературным фактом в разные эпохи литературный материал, обнаружил, что, после того как высший статус поэзии был передан роману, даже такие периферийные для литературы явления, как письма, которые ранее игнорировались или отвергались историей литературы, также начали входить в круг литературных фактов. «Главенствующей в области литературы была поэзия; в ней, в свою очередь, главенствовали высокие жанры. Не было того выхода, той щели, через которую письмо могло стать литературным фактом. Но вот это течение исчерпывается; интерес к прозе и младшим жанрам вытесняет высокую оду» (Тынянов, 1993а: 130). Делая акцент на

изменениях в стиле, форме и т. д., он интерпретировал расцвет и упадок или цикличность старых и новых исторических взглядов на литературу. «Стареющий современник, переживший одну-две, а то и больше литературные революции, заметит, что в его время такое-то явление не было литературным фактом, а теперь стало, и наоборот. Журналы, альманахи существовали и до нашего времени, но только в наше время они сознаются своеобразным “литературным произведением”, “литературным фактом”» (Тынянов, 1993а: 123). Тынянов как центральная фигура русского формализма в 1920-х годах призывал к переписыванию истории литературы и переосмыслению исторических взглядов на литературу. В отличие от других представителей этого направления, требовавших изучать литературу исходя прежде всего из горизонтальных аналогий и эволюции внутренних элементов, он осознавал, что эти методы являются «внутренними», «изолированными» исследованиями, непригодными даже для изучения классической литературы пушкинской эпохи, а для анализа современных литературных произведений они казались и вовсе абстрактными и пустыми. Он указывал: «Существование факта как литературного зависит от его дифференциального качества (т. е. от соотносительности либо с литературным, либо с внелитературным рядом), другими словами – от функции его», и «То, что в одной эпохе является литературным фактом, то для другой будет общеречевым бытовым явлением, и наоборот, в зависимости от всей литературной системы, в которой данный факт обращается» (Тынянов, 1993b: 140). Он снова приводит в пример письма, полагая, что письма, изначально бывшие фактом жизни, также могут стать литературным фактом. Например, «дружеское письмо Державина – факт бытовой, дружеское письмо карамзинской и пушкинской эпохи – факт литературный» (Тынянов, 1993b: 140).

Факт формируется в зависимости от своих объективных свойств, тогда как событие чаще описывает процесс возникновения. Иными словами, литературное событие (event of literature) – это более современное, более динамичное понятие, которое рассматривает литературу не как статичный объект, а как «событие», обладающее перформативностью и порождающим характером, происходящее между читателем и текстом. Оно затрагивает вопросы практики и эффекта – «как литература функционирует». Хотя эпистолярный роман сам по себе является литературной фикцией, соотносительной с реальностью, этот творческий «обман» в свою очередь является «событием о литературе» (event about literature), а событие может быть открытым процессом становления. Французский ученый Фредерик Карра указывал: «Аутентичная творческая техника эпистолярного писателя полностью изменила тематику и иллюзорный статус эпистолярного романа. Эпистолярный роман построен на обмане, он появляется в виде сборника писем, вводя в заблуждение относительно автора. Добавляя предисловия, скрывая вымышленность романа с помощью примечаний на отдельных страницах, эпистолярный роман создает впечатление, что история разворачивается прямо у нас на глазах. Автор добавляет предисловия, комментарии и т. д., подчеркивая достоверность событий. В романе нет ничего нейтрального, автор отрицательно относится к вымыслу. Отказ от вымысла также вызвал переосмысление понятий “реальное” и “иллюзорное”» (Карра, 2013: 111). С этой точки зрения нетрудно увидеть, что в конструировании эпистолярного романа, помимо автора, есть заслуга и читателя: даже если его участие ограничивается лишь чтением произведения, это в определенной степени означает участие в этом литературном событии.

Мы полагаем, что письмо как исторический литературный факт (частные письма) или литературный факт (эпистолярные произведения) естественно участвует в конструировании литературного события, формирующегося вокруг произведения. Следовательно, в смысле, ориентированном на писателя и его творчество, литературный факт иногда и есть литературное событие, а множество литературных фактов образует цельную цепь литературного события. Фактически, всякий историк литературы или теоретик, если они смотрят на общий ход развития и процесс эволюции всей истории литературы, не игнорируют

важность писем, особенно писем литераторов, для изучения их произведений и мысли, различаясь лишь степенью внимания к этим источникам.

Таким образом, как эпистолярный роман, так и связанная с ним личная переписка являются одним звеном или частью целой и открытой цепи литературного события. Как указывает китайский ученый Хэ Чэнчжоу: «Литературное событие – это динамичная, нестабильная система, охватывающая элементы, включающие биографию автора, мотивацию написания, творческий процесс, текст, чтение, рецепцию, и даже литературные организации, публикацию, перевод и т. д., и в то же время этим не ограничивающаяся» (Хэ Чэнчжоу, 2019: 13). В этом смысле, применительно к представлению о конкретном романе, мы рассматриваем его как единое и открытое целое, имеющее предтекст (pre-text) и подтекст (sub-text), а также конкретный контекст (context). Исследование представления о литературе – лишь один аспект литературного события, в то время как теория литературного события как новая перспектива литературных исследований охватывает весь процесс зарождения и развития литературы в целом.

С этим связана и точка зрения некоторых ученых, согласно которой смысл литературы заключается также в порождении события, то есть в серии процессов становления, окружающих текст. Например, британский исследователь истории литературной мысли Роберт Иглстоун указывал, что смысл литературы не заключается ни в часто упоминавшейся ранее так называемой «пользе бесполезного», ни в ее практичности и утилитарности, направленной на руководство жизненной практикой. «Литература больше похожа на глагол, чем на существительное» (Иглстоун, 2020: 9), литература «выражает скорее ходьбу, а не карту», поэтому он предложил «метафорическую теорию» (Иглстоун, 2020: 10), согласно которой «литература – это живой разговор» (Иглстоун, 2020: 11), поскольку литература, «как и разговор, раскрывает неизвестное, предлагает известное, облекает события, переживания и идеи в язык, тем самым придавая им смысл» (Иглстоун, 2020: 14). Китайский ученый Дань Ханьсун по этому поводу отмечает, что взгляд Иглстоуна на литературу отражает концепцию «знания в действии» (knowledge in action), цель которой заключается в процессе социального становления (becoming), а не в ограничении и завершении, и, следовательно, «в этом смысле взгляд Иглстоуна на литературу перекликается с двумя важными тенденциями современного литературоведения, а именно с акцентом на событийность литературы и повседневное чтение обычного читателя» (Дань Ханьсун, 2020: 8). Роман «Бедные люди» как дебютное произведение Достоевского, благодаря удачному старту и высокому уровню, утверждал его особое положение в русской литературной сфере и широкое влияние и распространение в мировом масштабе; анализ и осмысление многогранного познания литературы через призму романа помогут прояснить его раннее представление о литературе, выявить этап развития и важную часть его мировоззрения.

Как известно, в «Бедных людях» литература является не только объектом чтения и критики, но и неотъемлемой частью жизни главных героев. Можно сказать, что это литературное произведение образуется жизненным событием персонажей романа, следовательно, литература стала сравнительно важным литературным событием. Создание и рецепция «Бедных людей» и отраженное в романе представление о литературе образуют пару литературных событий, достойных рассмотрения как изнутри, так и извне, являя собой так называемый механизм «филогенетики» (phylogenetics). По поводу этого понятия китайский ученый Шэн Нин считает, что филогенетика полностью отличается от эволюционной биологии, «“становление” относится к понятию логического вывода, эта наука призвана проследить, какие новые идеи возникают в процессе познания человеком мира и себя, изучить новое понимание, сформированное взаимодействием субъекта и объекта, вызванным этими идеями, затем, на этой основе, построить новую систему знаний и раскрыть ее внутреннюю сущность и закономерности» (Шэн Нин, 2017: VIII).

Раскрытие творческого замысла и представления о литературе или искусстве в произведении само является частью литературного события. Американский славист, достоевист Джозеф Франк отмечал, что в «Бедных людях» «художественные интенции Достоевского направляли его художественную интуицию, а эти интенции определялись литературными и культурными ценностями его времени» (Франк, 2014: 199). Как Достоевский, будучи писателем и переводчиком, так и литературный критик Белинский хорошо знали текущую литературную ситуацию и деятельно участвовали в процессе формирования литературных событий. Исследование отраженного в произведениях представления писателя о литературе также соответствует современной исследовательской парадигме литературного события. «С начала XXI века возвышение литературного события само стало событием в литературной критике, в ходе которого категория литературы, способ ее презентации и эпистемология читателя претерпели значительные изменения. В отличие от предшествующих инструментального подхода к литературе, теории отражения, эстетической критики, литературное событие больше фокусируется на порождающем характере литературы, активности, взаимодействии, способности к действию, эффекте и функции. Литературное событие связано с недавним перформативным и событийным поворотом в гуманитарных исследованиях, под влиянием этой общей академической тенденции произошел сдвиг парадигмы литературной критики» (Хэ Чэнчжоу, 2019: 13).

Советский литературовед Михаил Бахтин в статье «О спиритуалах» полагал, что созданный образ часто отражает два разных аспекта: художника и мыслителя. «Входят ли в созданный (или воссозданный) образ как момент творца мысли творца, его мировоззрение, его моральные или политические цели и т. п. Они могут войти только как воссозданная действительность, наравне с автобиографическими переживаниями и событиями жизни автора, но не как момент самого творящего творца, в противном случае он перестанет быть художником, а начнет выступать как мыслитель, политик, ученый или как исповедующийся и пишущий личный документ» (Бахтин, 2002: 369). Таким образом, реальность, создаваемая искусством, и биография автора, и жизненные события являются равноправными фактами, то есть событиями.

II. Литературное событие внутри и вне текста «Бедных людей»

Британский литературный теоретик Терри Иглтон отмечал: «Один из парадоксов литературного произведения заключается в том, что в своей неизменности и завершенности оно является “структурой”, однако оно должно самоосуществляться в вечном движении и может реализовать себя лишь в акте чтения, в этом смысле оно есть “событие”» (Иглтон, 2017: 226-227). Таким образом, он показывал, что напряжение литературы заключено между ее завершенностью и открытостью, а литературоведение изучает динамические отношения и возможности между завершенностью и открытостью. Без сомнения, диалог и чтение являются основной структурой и темой «Бедных людей».

Роман «Бедные люди» в целом представлен в диалогической форме: пятьдесят четыре письма между главными героем и героиней, перемежающиеся воспоминаниями и лирическими фрагментами, формируют жизненные события их самих и окружающих их людей. Михаил Бахтин указывал на «событийность диалогического познания» (Бахтин, 1986а: 384). То, что диалог осуществляется в эпистолярной форме, оправдывается Девушкиным необходимостью упражняться в своем слого. Но даже осознавая это, герои понимают, что воспоминания о прошлом, разговоры о литературе, переписка – это еще далеко не все повседневные жизненные события и не все события жизни, поэтому они надеются, что общение, включая переписку, не прекратится, и даже если переписка вынужденно прервется или закончится, ожидают возможности продолжить общение другим способом спустя время. Как горько восклицает в последнем, прощальном письме Девушкин: «Нет, вы мне еще

напишите, еще мне письмецо напишите обо всем, и когда уедете, так и оттуда письмо напишите. А то ведь, ангел небесный мой, это будет последнее письмо; а ведь никак не может так быть, чтобы письмо это было последнее. Ведь вот как же, так вдруг, именно, непременно последнее! Да нет же, я буду писать, да и вы-то пишете... А то у меня и слог теперь формируется... Ах, родная моя, что слог! Ведь вот я теперь и не знаю, что это я пишу, никак не знаю, ничего не знаю, и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только бы писать, только бы вам написать побольше...» (Достоевский, 1972: 108).

Макар Деушкин и Варенька Доброселова в «Бедных людях», борясь и мечась ради выживания, не оставляют чтения. Благодаря чтению они общаются друг с другом, обмениваются своими разнообразными представлениями о литературе, охватывающими очень широкий спектр ключевых элементов – от создания и издания литературы до ее восприятия читателями и литературных функций. Конкретно, это относится к литературным произведениям (отечественным (Пушкин) и зарубежным (Поль де Кок)), к книготорговцу-писателю (Ратазьеву), к книгоеду-студенту (Петру Покровскому), а также к вопросам творческой ситуации писателей, условий их существования, влияния произведений, отношения простого народа к отечественной литературе, связи литературы и народного образования и т. д. Очевидно, что чтение литературы и обмен впечатлениями о прочитанном также являются событием, порожаемым литературой за пределами самого произведения, и тоже принадлежат к литературному событию. Как отмечал Бахтин в своих записных тетрадах: «Всякое высказывание – это “событие”. Событийно-исторический характер признания, свидетельского показания, закона, приказа, подтверждения или отрицания и т. п.» (Бахтин, 1997: 264).

Что касается проблемы читательской рецепции литературы, несколько фраз, приведенных в эпиграфе к «Бедным людям», хорошо иллюстрируют вопрос. Они взяты из сатирического рассказа русского писателя, поэта, философа, педагога князя В.Ф. Одоевского «Живой мертвец» (1839). Автор цитаты в шуточной форме, от лица стороннего критика, восклицает: «Ох уж эти мне сказочники! Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усадительное, а то всю подноготную в земле вырывают!.. Вот уж запретил бы им писать! Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумаешься, – а там всякая дребедень и пойдет в голову; право бы, запретил им писать; так-таки просто вовсе бы запретил» (Достоевский, 1972: 13). Этим Достоевский хотел показать, что, как только произведение создано, читательское восприятие может быть крайне разнообразным, и автор не в силах этому помешать. С другой стороны, эта фраза скорее напоминает бессильный и вынужденный запрет цензора, обеспокоенного неподконтрольным дурным влиянием, порожаемым литературными произведениями, исключить которое можно, лишь запретив производство литературы в зародыше, заставив писателей прекратить писать. С точки зрения функции литературы, хорошее произведение должно не только передавать читателям знания и информацию, но и направлять их к размышлению и учить их мыслить, ведь мысли в чужих головах никто не может и не вправе запрещать.

Князь Одоевский как редкий, незаурядный писатель в истории русской литературы и русского романа также считается мыслителем, философом и футурологом эпохи русского романтизма, занимавшим в 1823–1825-х годах пост председателя «Общества любомудрия» в России. Хотя его творческое наследие не очень обширно и на китайский язык переведено всего несколько его рассказов и повестей, его вклад в становление и лидерство русской литературы, особенно русского романа, на начальном этапе чрезвычайно велик. «С строго литературной точки зрения, наиболее успешными романами Одоевского являются романы о светском обществе и его собственном дворянском классе. Среди них наиболее выдающимся является высоко оцененная ранняя “Княжна Мими” (1834), которая незабываемо изображает старую деву, самопровозглашенную защитницу общественной морали, которая, будучи слишком

старой для романтических отношений, разрушает их. В романтическом движении этот рассказ стал триумфом реализма; фактически, всю эволюцию Одоевского как писателя можно описать как медленное освобождение от самоанализа и фантазии и постепенное становление социальным комментатором» (Passage, 1963: 114).

Одоевский и Достоевский были современниками, но по возрасту Одоевский мог считаться отцовской фигурой для Достоевского, и влияние первого на творчество второго невозможно игнорировать. Достоевский в серии критических работ «Ряд статей о русской литературе», опубликованных в 1861 году, упоминал о роли произведений Одоевского в привлечении низших слоев населения к чтению и грамоте, об их просветительской направленности. В четвертой статье цикла, «Книжность и грамотность. Статья вторая», он специально указывал: «“Зефироты” же, например, действуют не только на низший класс, но захватывают чрезвычайную массу и из высшего, т. е. даже и не из очень малообразованного высшего. Тот, который уже не станет читать и “Магометанку”, с наслаждением прочтет “Зефироты”, равно как и все толки о светопреставлении и прочих таких же предметах» (Достоевский, 1979: 50). Достоевский высоко оценивал богатое воображение в произведениях Одоевского, их фантастические и мистические элементы вызывали любопытство и интерес читателей, а такие его произведения, как «Зефироты», были довольно популярны во всех социальных слоях, поэтому они также являлись хорошим учебным материалом или выбором для чтения в народном просвещении. «В человеке, лишенном всевозможной самостоятельности и принявшем (и по обычаю, и по невозможности принять иначе) предстоящую действительность за нечто крайне нормальное, невообразимо-непреложное и установившееся, естественно рождается некоторое влечение, некоторый соблазн к сомнению, к философствованию, к отрицанию. “Зефироты” и проч., представляя собою факты или возможность фактов, прямо противоположных насущной действительности и глубоко отрицающих ее непреложность и ее гнетущее спокойствие, — чрезвычайно нравятся этой отрицательной точкой зрения средней массе общества и, написанные популярно, дают превосходный способ поволноваться умам, пофилософствовать и насладиться хоть каким-нибудь скептицизмом» (Достоевский, 1979: 50). «Зефироты» публиковались с продолжением в газете «Северная пчела» в 1861 году; их одноименные герои — вымышленные духи-животные, имеющие человеческое туловище и голову, но птичьи крылья, способные летать, оседлав ветер, и питающиеся солнечным светом.

III. «Гофмановский стиль»: влияние и рецепция

Влияние Одоевского на Достоевского в сфере чтения не ограничивается упомянутым ранее и шутливым эпиграфом в «Бедных людях», имеются и другие, более скрытые и опосредованные моменты. Например, некоторые критики указывали, что прототипом «положительного, прекрасного» героя князя Мышкина в «Идиоте», по всей вероятности, был сам князь Одоевский или же главный герой незавершенной драматической поэмы 1838-го года «Сегелиель, или Дон Кихот XIX столетия: Сказка для старых детей (Отрывки из 1 ч.)». Эта пьеса была введена в литературно-художественный альманах «Сборник на 1838 год» (Сытина, 2021: 175-176). Что важнее, оба они рассматривались критиками как «русские Гофманы». Более того, по влиянию Гофмана на Достоевского видно, что как пример «гофманизации» в России он стал «вершиной довольно длительного процесса», охватывающего «целое поколение русских писателей» (Passage, 1963: 196).

Один из самых оригинальных и влиятельных писателей немецкого романтизма XIX века, Э.Т.А. Гофман (1776–1822), был также композитором, музыкальным критиком, дирижером и художником. Эта множественность художественных ипостасей оказала глубокое воздействие на его литературное творчество, придав его произведениям причудливый, полный фантазии характер. Конфликт искусства и реальности, смешение действительности и фантасмагории,

раскол и отчуждение личности, а также сатира и критика общества – вот наиболее заметные черты его творчества. Будучи важным мостом, соединяющим немецкий романтизм с литературным модернизмом XX века, Гофман своими глубокими психологическими прозрениями и необычайным художественным воображением неизменно восхищал Достоевского; «гофмановская фантастика» прослеживается в его повестях «Двойник» и «Хозяйка». Согласно исследованиям, из тринадцати произведений (включая в основном завершённые фрагменты), написанных Достоевским в 1845–1849-х годах, девять испытали влияние гофмановского стиля (Passage, 1954: 3).

Менее чем через год после публикации «Бедных людей» Белинский, пристально следивший за творчеством Достоевского, отметил, что в нескольких последовательно опубликованных повестях и рассказах Достоевского в значительной степени присутствует «странная фантазия». Относительно повести «Хозяйка» в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья вторая и последняя» он выражал недоумение, давал автору совет и упоминал гофмановский стиль: «Не только мысль, даже смысл этой, должно быть, очень интересной повести остаётся и останется тайной для нашего разумения, пока автор не издаст необходимых пояснений и толкований на эту дивную загадку его причудливой фантазии. Что это такое – злоупотребление или бедность таланта, который хочет подняться не по силам и потому боится идти обыкновенным путем и ищет себе какой-то небывалой дороги? Не знаем; нам только показалось, что автор хотел попытаться помирить Марлинского с Гофманом, подболтавши сюда немного юмору в новейшем роде и сильно натеревши все это лаком русской народности» (Белинский, 1956: 351). Но очевидно, Достоевский не внял этому своеобразному предостережению и впоследствии, в 1848 году, опубликовал рассказ «Слабое сердце» и повесть «Белые ночи», которые в одно время считались «двумя произведениями, демонстрирующими явно видимые гофмановские черты» (Passage, 1963: 208).

В серии повестей князя Одоевского Белинский также замечал явное влияние Гофмана, однако «фантастический» характер Гофмана вызывал у него скорее неприятие. «Мы имеем причины думать, что на это фантастическое направление нашего даровитого писателя имел большое влияние Гофман. Но фантазм Гофмана составлял его натуру, и Гофман в самых нелепых дурачествах своей фантазии умел быть верным идее. Поэтому весьма опасно подражать ему: можно занять и даже преувеличить его недостатки, не заимствовав его достоинств» (Белинский, 1955: 314-315).

Белинского можно считать литературным «первооткрывателем» Достоевского. То, что он высоко оценил «Бедных людей» и их автора, горячо рекомендовал его, активно способствовал развитию новых талантов на литературном поприще, сам придавал большое значение литературному процессу и переводам, а также активно участвовал в конкретных аспектах литературного дела, таких как публикация, критика, маркетинг, в основном было обусловлено необходимостью просвещения народа посредством литературы. Немецкий биограф Андреас Гуски указывал: «Белинский, хотя всегда выступал против чисто коммерческого писательства, не был врагом литературного рынка. По его мнению, книгопечатание и книжная торговля, издательства и журналы, литература и история литературной критики были незаменимыми предпосылками для воспитания публики, обладающей критическим духом; только формирование такой публики в России могло позволить всей стране идти в ногу с прогрессом эпохи» (Гуски, 2021: 50-51). Нельзя отрицать, что, по крайней мере в отношении «Бедных людей», ранние представления Достоевского о функции литературы имели много общего со взглядами Белинского.

Как известно, благосклонность читателей и содействие литературной критики, а также положительный цикл творчества и рецепции может эффективно способствовать здоровому развитию литературного творчества. С одной стороны, с точки зрения генезиса, изучение истоков рождения литературного произведения позволяет нам увидеть больше

первоначальных смыслов. С другой стороны, с точки зрения рецепции, оно также позволяет литературному произведению в разных контекстах, в процессе непрерывной интерпретации, порождать событийность, обладающую «большим временем» и пространством. Так называемое «большое время», согласно пониманию Бахтина, означает, что «произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в *большом времени*, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» (Бахтин, 1986b: 350, курсив автора – В. Х.).

Литературный факт и литературное событие – это не отношения взаимоисключения, а два разных ракурса рассмотрения литературы. Первый является базовым материалом, позволяющим обсуждать и изучать литературу, тогда как второе раскрывает литературу как живую, transformative силу. Современная литературная теория все более склоняется к пониманию литературы с точки зрения «события», подчеркивая ее динамичную, взаимодействующую с читателем и миром жизненную силу.

Заключение

С точки зрения внешних обстоятельств написания, публикации и издания романа, новаторство и сила воздействия «Бедных людей» для тогдашней русской литературы также были очевидны. Внутренняя жизнь персонажей и общественный фон, выведенные в сюжете романа посредством ведущей нити литературы и чтения, были свежи и новы для читателей и критиков. Как литературное событие с целостной цепью составляющих, мы должны раскрывать глубокий подтекст и значение «Бедных людей» в «большом времени», в то же время нам надо обращать внимание на предостережение и предупреждение, высказанное Бахтиным еще в прошлом веке: «Произведение литературы... раскрывается прежде всего в дифференцированном единстве культуры эпохи его создания, но замыкать его в этой эпохе нельзя: полнота его раскрывается только в *большом времени*» (Бахтин, 1986b: 353, курсив автора – В. Х.). Следовательно, в свете открытости и незавершенности роман неизбежно будет прочитан и истолкован большим числом людей в будущем, обретая все более многогранную смысловую ценность и более богатое идейное значение.

Литература

- Бахтин, М. М. (1997), «Из архивных записей к “Проблеме речевых жанров”», *Бахтин, М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5, Русские словари*, Москва, 207-286.
- Бахтин, М. М. (1986а), «К методологии гуманитарных наук», *Эстетика словесного творчества*, 2-е изд., сост. Бочаров, С. Г., Искусство, Москва, 381-393.
- Бахтин, М. М. (2002), «О спиритуалах (к проблеме Достоевского)», *Бахтин, М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6, Русские словари; Языки славянской культуры*, Москва, 368-370.
- Бахтин, М. М. (1986b), «Ответ на вопрос редакции “Нового мира”», *Эстетика словесного творчества*, 2-е изд., сост. Бочаров, С. Г., Искусство, Москва, 347-354.
- Белинский, В. Г. (1956), «Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья вторая и последняя», *Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. Статьи и рецензии 1846–1848*, Изд-во Академии наук СССР, Москва, 315-359.
- Белинский, В. Г. (1955), «Сочинения князя В. Ф. Одоевского» (1844)», *Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 8. Статьи и рецензии 1843–1845*, Изд-во Академии наук СССР, Москва, 297-323.
- Гуски, А. (2021), *Достоевский: Биография*, пер. с кит. Цян Чжаохой, Изд-во социально-научной литературы, Пекин.
- Дань Ханьсун (2020), «Предисловие к китайскому переводу», *Иглстоун, Р. Почему важна литература*, пер. Сю Цзямин, Изд-во Пекинского ун-та, Пекин, 1-11.
- Достоевский, Ф. М. (1972), *Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1*, Наука, Ленинградское отделение, Ленинград.

Достоевский, Ф. М. (1979), «Ряд статей о русской литературе. III. Книжность и грамотность. Статья вторая», *Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 19*, Наука. Ленинградское отделение, Ленинград, 5-20.

Иглстоун, Р. (2020), *Почему важна литература*, пер. Сю Цзямин, Изд-во Пекинского ун-та, Пекин.

Иглтон, Т. (2017), *Литературное событие*, пер. Инь Чжикэ, Изд-во Хэнаньского ун-та, Чжэнчжоу.

Карра, Ф. (2013), *Эпистолярный роман*, пер. Ли Цзюньсянь, Тяньцзиньское народное изд-во, Тяньцзинь.

Сытина, Ю. Н. (2021), «В поисках “положительно прекрасного” героя: князь Мышкин Ф.М. Достоевского и Сегелиель В.Ф. Одоевского», *Проблемы исторической поэтики*, 1, 173-193.

Тынянов, Ю. Н. (1993а), «Литературный факт», *Тынянов, Ю. Н. Литературный факт: Сб.*, сост. Новиков, В. И., Высшая школа, Москва, 121-136.

Тынянов, Ю. Н. (1993b), «О литературной эволюции», *Тынянов, Ю. Н. Литературный факт: Сб.*, сост. Новиков, В. И., Высшая школа, Москва, 137-147.

Франк, Дж. (2014), *Достоевский: семья восстания (1821–1849)*, пер. с кит. Дай Дахун, Изд-во Гуансийского педагогического ун-та, Гуйлинь.

Хэ Чэнчжоу (2019), «Что такое литературное событие?», *Вестник Нанкинского педагогического университета (Общественные науки)*, 6, 5-14.

Шэн Нин (2017), «Предисловие к переводу», *Иглтон, Т. Литературное событие*, пер. Инь Чжикэ, Изд-во Хэнаньского ун-та, Чжэнчжоу.

Passage, Ch. E. (1954), *Dostoevski the Adapter. A Study in Dostoevski's Use of the Tales of Hoffmann*, The University of North Carolina Press, Chapel Hill.

Passage, Ch. E. (1963), *The Russian Hoffmannists*, The Hague, Mouton.

References

Bakhtin, M. M. (1986a), “Towards a Methodology of the Humanities”, *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity], 2nd ed., comp. by Bocharov, S. G., Iskusstvo, Moscow, USSR, 381-393 (in Russ.).

Bakhtin, M. M. (1986b), “Response to a Question from the Editorial Board of ‘New World’”, *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity], 2nd ed., comp. by Bocharov, S. G., Iskusstvo, Moscow, USSR, 347-354 (in Russ.).

Bakhtin, M. M. (1997), “From Archival Records for ‘The Problem of Speech Genres’”, *Bakhtin, M. M. Sobraniye sochineniy: V 7 t. T. 5* [Bakhtin, M. M. Collected Works: In 7 vols. Vol. 5], Russkiye Slovari, Moscow, Russia, 207-286 (in Russ.).

Bakhtin, M. M. (2002), “On Spirituals (Regarding the Problem of Dostoevsky)”, *Bakhtin, M. M. Sobraniye sochineniy: V 7 t. T. 6* [Bakhtin, M. M. Collected Works: In 7 vols. Vol. 6], Russkiye slovari; Yazyki Slavianskoy Kultury, Moscow, Russia, 368-370 (in Russ.).

Belinsky, V. G. (1955), “Works of Prince V.F. Odoevsky (1844)”, *Belinsky, V. G. Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t. T. 8. Stati i retsenzii 1843–1845* [Belinskiy, V. G. Complete Collected Works: In 13 vols. Vol. 8. Articles and Reviews 1843-1845], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR, 297-323 (in Russ.).

Belinskiy, V. G. (1956), “A View of Russian Literature in 1847. Second and Final Article”, *Belinskiy, V. G. Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t. T. 8. Stati i retsenzii 1846-1848* [Belinskiy, V. G. Complete Collected Works: In 13 vols. Vol. 10. Articles and Reviews 1846-1848], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR, 315-359 (in Russ.).

Dan Hansong (2020), “Preface to the Chinese Translation”, *Eaglestone, R. Why Literature Matters*, Transl. by Xu Jiaming, Peking University Press, Beijing, China, 1-11 (in Chin.).

Dostoyevskiy, F. M. (1972), *Polnoye Sobraniye Sochineniy: V 30 t. T. 1* [Complete Collected Works: In 30 vols. Vol. 1], Leningrad branch of the Nauka publishing house, Leningrad, USSR (in Russ.).

Dostoyevskiy, F. M. (1979), “A Series of Articles on Russian Literature. III. Book Learning and Literacy. Second Article”, *Dostoyevskiy, F. M. Polnoye Sobraniye Sochineniy: V 30 t. T. 19* [Dostoyevskiy, F. M. Complete Collected Works: In 30 vols. Vol. 19], Leningrad branch of the Nauka publishing house, Leningrad, USSR, 5-20 (in Russ.).

- Eaglestone, R. (2020), *Why Literature Matters*, Transl. by Xu Jiaming, Peking University Press, Beijing (in Chin.).
- Eagleton, T. (2017), *The Event of Literature*, Transl. by Yin Zhike, Henan University Press, Zhengzhou, China (in Chin.).
- Frank, J. (2014), *Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821-1849*, Transl. by Dai Dahong, Guangxi Normal University Press, Guilin, China (in Chin.).
- Guski, A. (2021), *Dostoevsky: A Biography*, Transl. by Qiang Zhaohui, Social Sciences Academic Press, Beijing, China (in Chin.).
- He Chengzhou (2019), "What is a Literary Event?", *Journal of Nanjing Normal University (Social Sciences Edition)*, 6, 5-14 (in Chin.).
- Karra, F. (2013), *The Epistolary Novel*, Transl. by Li Junxian, Tianjin People's Publishing House, Tianjin, China (in Chin.).
- Passage, Ch. E. (1954), *Dostoevsky the Adapter. A Study in Dostoevsky's Use of the Tales of Hoffmann*, The University of North Carolina Press, Chapel Hill.
- Passage, Ch. E. (1963), *The Russian Hoffmannists*, The Hague, Mouton.
- Sheng Ning (2017), "Translation's Preface", *Eagleton, T. The Event of Literature*, Transl. by Yin Zhike, Henan University Press, Zhengzhou, China (in Chin.).
- Sytina, Yu. N. (2021), "In Search of a 'Positively Beautiful' Hero: F.M. Dostoevsky's Prince Myshkin and V.F. Odoevsky's Segel'el", *The Problems of Historical Poetics*, 1, 173-193 (in Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1993a), "The Literary Fact", *Tynyanov, Yu. N. Literaturnyy fakt: Sbornik* [Tynyanov, Yu. N. Literary fact: Collection], comp. by Novikov, V. I., Vysshaya Shkola, Moscow, Russia, 121-136 (in Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1993b), "On Literary Evolution", *Tynyanov, Yu. N. Literaturnyy fakt: Sbornik* [Tynyanov, Yu. N. Literary fact: Collection], comp. by Novikov, V. I., Vysshaya Shkola, Moscow, Russia, 137-147 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Вань Хайсун, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института зарубежной литературы, Китайская академия общественных наук, пр. Дзяньгоуменнэй, д. 5, г. Пекин, 100732, КНР; wanhaisong@sina.com

ABOUT THE AUTHOR:

Wan Haisong, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Institute of Foreign Literature, Chinese Academy of Social Sciences, 5 Jianguomennei Ave, Beijing, 100732, People's Republic of China; wanhaisong@sina.com